ЗНАМЯ ОКТЯБРЯ

ПЯТНИЦА,
11 апреля 2025 года
№ **15** (10346)
plast-gazeta.ru

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ЧЕТВЁРТЫЙ В ЧЕТВЁРТОМ РЯДУ

ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ С НЕБОЛЬШИМ ЛЕТ ЭТА ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ОБРЕЛА НОВЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ И ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ НА СТРАНИЦАХ «ЗНАМЕНИ ОКТЯБРЯ»

НИНА МИХАЙЛОВА
корреспондент «ЗО»
Фото автора

Эту фронтовую историю, а можно сказать, уже быль, поведала пластовчанка Галина Александровна Кузнецова на юбилее литературного клуба «Россыпи». Говорила взволнованно, со слезами в голосе, и рассказ ее всколыхнул всю аудиторию.

Передаю услышанное от первого лица.

– Прежде чем прочитать свое стихотворение, расскажу о людях, которым оно посвящено. Наше поколение еще застало в живых участников Великой Отечественной войны. Они уходят, уходят безвозвратно, и наш долг – сохранить их рассказы, передать детям, внукам, правнукам. Пусть они запомнят и понесут дальше.

Я имела счастье встретиться с настоящим участником Великой Отечественной войны. В школу часто приглашали бывших фронтовиков, были у нас в третьей школе и учителя-ветераны: Семен Андриянович Корепанов (географ), Николай Николаевич Жуков (учитель физкультуры), помню Аркадия Григорьевича Моисеева, он жил в нашем краю.

Но именно эта встреча оставила след на всю жизнь. Не все ветераны хотели делиться пережитым, рассказывать о войне. В послевоенные годы долго бытовало мнение, что настоящие герои остались там, на поле боя, а домой вернулись те, кто особо не отличился, в тылу отсиделся. Вот и не спешили вернувшиеся с войны рассказывать не то что о своих подвигах, даже просто об увиденном. Чтобы ни свои, ни чужие души не бередить.

Этого ветерана звали Константин Жуков (отчество забыла), жил он где-то в районе 3-й школы, потому что его сын Витя, года на два-три старше меня, учился в нашей же школе. Помню его жену Валентину Петровну, которая работала кондуктором в ЮУПАТО, умерла она рано, ей было чуть за сорок.

А был это 1973 год, мы с сестрой Ольгой учились в школе. Дяденьку, как говорили в нашем детстве, пригласила в гости мама. Как я сейчас понимаю, специально, в воспитательных целях. Помню, как сидели за столом родители, гостю предложили водки. Был за Константином Жуковым такой грех, выпивал. Отец у нас вообще не пил, мама чокалась и делала вид, что пьет. Ну не стал бы он рассказывать о себе, если бы был трезв!

Мы с сестрой слушали открыв рты. Каждое слово мне запало в душу. Записывать при нем я побоялась – он бы тогда замолчал, закрылся.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. НАЧАЛО

Когда Константину исполнилось 18 лет, его призвали на срочную службу. Был он, как говорится, из молодых, да ранних. В эти годы уже женился и имел дочку. Служить попал на западную границу.

Накануне началось перевооружение: старые пушки с погранзаставы увезли, а новые привезти не успели. И патроны экономили – в ночь на 22 июня 1941 года ему вместо положенных трех патронов к винтовке выдали один. Отстоял он со своей собакой на посту всю ночь. К утру опустился густой туман, наступила тишина - тяжелая, гнетущая. Он уже ждал смену… И вдруг из тумана на него выходит немец с автоматом наперевес. Пограничная собака среагировала быстрее - кинулась на чужого, и вся автоматная очередь пришлась на нее. В это время пограничник успел передернуть затвор у винтовки и единственным патроном этого фашиста убил.

– Она поймала мою смерть! – говорил дядя Костя.

Так он остался жив. Представляете, он прошел всю войну, всю! От первой минуты до последней! Говорил: «Я не был ранен, в госпитале не лежал. Ну там царапины – это не считается». По собаке своей плакал как по самому родному и близкому человеку. Очень был ей благодарен за спасение.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. МАТКА БОСКА

Потом Жуков попал в разведку. Молодой, быстрый парень, назначили его командиром разведгруппы. В разведке и воевал до победы. Однажды пошли за языком. Были по ту линию фронта несколько дней, привели языка. Как командир группы, он присутствовал на допросе этого фашиста (по национальности он был, скорее, поляк), и тот, указав на Константина, рассказал: «Вот этого солдата я видел и не убил. Он спал в разрушенном храме под ногами матки боски»! Разведчики, действительно, проведя несколько дней без сна и отдыха, укрылись в храме, выбрав место, где поровнее, камней поменьше. И уснули… Оказывается, он спал под ногами статуи Божьей матери. И этот немец его не расстрелял!

– Вот так я первый раз проспал свою смерть! – сказал дядя Костя.

Этот случай был летом. А другой случай у него был зимой.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. В ЗЕМЛЯНКЕ МЕДИКОВ

Шли ожесточенные бои, и траншеи в течение дня переходили из рук в руки то к нашим, то к немцам. Константин стоял на посту, а был лютый мороз! Прибавить к этому еще бои, усталость. Сменился и зашел в землянку медсанбата, чтобы хоть где-нибудь прикорнуть. Ему говорят: видишь, и сидят, и лежат – нигде не приткнуться. Вот топчан операционный посередине – ложись, если сможешь. А топчан не залит кровью - он ею пропитан! Косте было уже все равно: упал на топчан и сразу уснул. А когда проснулся, ощутил вокруг себя какое-то тихое движение, напряженную тишину. Поднимаюсь, говорит, а все замерли, вытаращились на меня. Оказывается, пока он спал, позиции оказались в руках немцев. С ранеными они не церемонились, зашли в землянку, полоснули из автомата, живых добили, а на него даже патрон тратить не стали – он лежал бледный, грязный, оборванный, весь в кровище, не подумали, что живой. Когда он проснулся, позиции уже снова были наши, бойцы выносили мертвых из медсанбата. И вдруг он воскрес на их глазах! Вот так он проспал второй раз свою смерть.

Г. А. Кузнецова с мамой Риммой Степановной и дочерью Леной

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОБЕДНАЯ

Дядя Костя очень расстраивался, что не был в Берлине, не попал на парад Победы в Москве, потому что был тяжело контужен в Померании. Рассказывал: будете смотреть хронику, где идут наши солдаты по Красной площади с немецкими знаменами и штандартами, обратите внимание на тот момент, когда они шеренгами подходят к подножию Мавзолея, бросают фашистские стяги, разворачиваются и идут назад. Четвертый человек в четвертой шеренге – это пластовчанин. Он даже имя и фамилию этого солдата называл.

Именно тогда, в 1973 году, Галине Кузнецовой пришли на ум строки «Четвертый в четвертом ряду я в строю, Бросаю фашистское знамя к Кремлю…». Точнее, это припев к песне. Посвящена она солдатам-пластовчанам: неизвестному, прошедшему по Красной площади на параде Победы, Константину Жукову и всем остальным, воевавшим за нашу Победу.

***

Из Пласта, по имеющимся сведениям, ушли на фронт 25 человек по фамилии Жуков. 19 из них сложили головы на поле боя, один из них Константин Ильич, 1906 года рождения. Шестеро вернулись живыми, но среди них нет Константина. Может быть, его сын, Виктор Константинович, откликнется на нашу публикацию, или откликнутся пластовчане, знавшие самого ветерана или его семью?.. А может быть, кто-то знает того – четвертого в четвертом ряду?

Парад Победы. Фото Федора Кислова

Четвертый в четвертом ряду

На фронт я попал молодым-
молодым,
Прошел через смерти,
атаки и дым.
Всегда на войне о Победе
мечтал…
Во снах я в Москве
на параде шагал.

Припев:
Четвертый в четвертом ряду
я в строю,
Бросаю фашистское знамя
к Кремлю.
Крутила война и швыряла
меня,
И всё же дожил
до Победного дня!
Вот Красная площадь.
Победный парад.
И я средь знамен и таких
же солдат.
Глазки кинокамер за нами
следят.
Трофейные стяги в руках
у ребят.

Припев
Я помню всех тех, кто со мной
воевал,
Себя не жалея, страну
защищал.
Почти не осталось в живых
тех солдат,
А память потомки о нас
сохранят.
О тех, кто прошел всю войну
– и дожил!
И тех, кто за нас свою
жизнь положил…

Припев
В вечернем покое мой город
родной.
Теперь я старик. Слава Богу
– живой!
Но память всё также уснуть
не даёт.
Вновь вижу ребят, кто
со мною идет.
Припев